

6. Ashurbeyli S. History of Baku (Middle Ages), Baku: Azerbaijan State Publishing Association, 1992, 401.
7. Ashurbeyli S. State Shirvanshahs (VI - XVI cc.), Baku: Science, 1983, 341.
8. Belenitski A.N., Bentovich I.B., Bolshakov O.G. The medieval city of Central Asia, Leningrad: Publishing House Science, 1973, 388.
9. Bretanitsky L.S. The features of construction of Baku as a reflection of the feudal civil history of the city / / Middle East commodity-money relations under feudalism, Moscow: Publishing House "Science", 1980, 263.
10. Geyushev R.B. The work of the Shirvan-Shabran expedition / / Archaeological Discoveries of 1984, Moscow: Science, 1986, p.417 - 418.
11. Geyushev.R.B. Investigations settlement Shabran / / Archaeological Discoveries of 1983, Moscow: Science, 1985, p. 483 - 484.
12. Jeddi, G.A. The medieval town of Shemakha IX-XVII century, Baku: Science, 1981, 174.
13. Jeddi, G.A. The excavation of medieval Shemakha // Archaeological discoveries in 1980, Moscow: Science, 1981, s.418 - 419.
14. Dostiev T. medieval towns of Azerbaijan // Archaeology of Azerbaijan, 1999, № 1-2, p. 28-34.
15. Ibragimov F.A., Ismizade O.Sh., Fomenko, V.P., Akhmedov R.J., Huseynova S.B. Archaeological excavations in 1979 in the 'Icheri sheher' // Archaeological and ethnographic research in Azerbaijan in 1979, Baku, 1980. 66-72.
16. Kudryavtsev A.A. The great city on the Caspian Sea, Makhachkala, Dagestan Book Publishers, 1982, 179.
17. Kudryavtsev A.A. Excavation of the building a rich VIII-XIII centuries. in a residential area of the medieval Derbent // Archaeological Site of early medieval Dagestan, Makhachkala, 1977, p.74-103.
18. Minorsky V.F. History of Shirvan and Derbent X-XI centuries, Moscow: Publishing House of Eastern Literature, 1963, 264.
19. Neimat M.S. Housing epigraphical Azerbaydzhna (arab-persian-turkic inscriptions of Baku and Absheron XI – early XX centuries.), Baku, 1991, Volume I, 248.

АННОТАЦИЯ

Изучение генезиса средневекового города включает в себя вопросы возникновения, территориального роста, формирования планировочной структуры, развития экономики и торговли.

Средневековые города Ширвана – Баку, Шемаха, Шабран, Габала, Дербент имели важное стратегическое и экономическое значение. Исследование средневековых городов Ширвана представлено письменными источниками, эпиграфическими памятниками, и материалами многолетних археологических раскопок. Богатый нумизматический материал из Баку, Шемахи и Дербента позволяет осветить ряд аспектов социально-экономической и политической истории средневековых городов Ширвана, определить интенсивность торговых связей.

Археологические раскопки расширили хронологический диапазон исследования средневековых городов, постановки более общих проблем, особенности генезиса, хозяйственной и социальной структуры. Археологическое изучение средневековых городов Ширвана позволило исследовать многочисленные памятники фортификационной, культовой и гражданской архитектуры, получить информацию о материальной и духовной культуре средневекового города.

Современные исследования невозможны без применения новых информационных технологий. Внедрение информационных технологий в процесс изучения средневековых городов позволит одновременно восстановить не только облик городов с привлечением всех основных источников, но и стать важным фактором в деле сохранения культурно-исторического наследия.

Т. В. ЛИСОКОЛЕНКО

ЯЗЫК КАК ЕДИНИЦА АНАЛИЗА В ФИЛОСОФИИ Л. ВИТГЕНШТЕЙНА

В условиях «лингвистического поворота» XX века все большей актуальности набирает языковая проблематика, как в пределах общественно-гуманитарных дисциплин, так и в рамках философского дискурса, где язык рассматривается как основная фигура анализа. В современной философии язык является тем компонентом, к которому можно относиться по-разному: либо осознавать и принимать его значимость в становлении социально-философских теорий, либо же наоборот – пренебрегать этим фактом. Невозможно, пожалуй, только одно, – не учитывать его влияние на развитие современного философского знания. Само направление «философия языка»

тесно связано с именем Людвиг Витгенштейна, внесшего свою, достаточно весомую, лепту в понимание языка именно как социальной категории. Так, по мнению современного российского лингвиста и семиотика В.Руднева «одна из фундаментальных идей XX века, к созданию которой и Витгенштейн приложил руку, состоит в том, что не язык определяет реальность, а сама реальность определяется языком» [9, с. 32]. Исходя из вышесказанного, целью данной статьи является анализ подходов Л.Витгенштейна к рассмотрению языка как социального феномена.

Язык как общая единица анализа и для лингвистов, и для структуралистов, и для семиотиков, и для философов является разноликой категорией, вариативной для определения и оперирования ею. Так известный американский лингвист Э.Сепир, определяя статус лингвистики, говорил о том, что вся система культуры упорядочена через язык. «Язык – это путеводитель в социальной действительности <...> он существенно влияет на наши представления о социальных процессах и проблемах. Люди живут не только в материальном мире и не только в мире социальном <...> в значительной степени они находятся во власти того конкретного языка, который стал средством выражения в данном обществе» [10, с. 130]. Ставя вопрос о том, чем мы можем считать язык, Э.Сепир отвечает – руководством к самому пониманию культуры. Вводя в культурное поле, вместе с Б.Уорфом лингвистическую теорию относительности (знаменитую гипотезу Сепира – Уорфа) через которую распространяется понятие языковой картины мира. Э.Сепир рассуждает о том, для чего представителям различных специальностей необходимо изучать механизмы человеческого общения. Говоря о философах, он определяет, что именно философу необходимо понимание языка для того, чтобы уберечь себя от личных языковых привычек, которые могут привести к обеднению способов возможностей передавать собственные мысли.

Оставаясь в русле лингвистики, рассмотрим особенности анализа понятия «язык» Ф. де Соссюром, который также определяет язык как социальный феномен, существующий в головах определенной совокупности людей: «язык – это клад, практикою речи отлагаемый во всех, кто принадлежит к одному общественному коллективу, это – грамматическая система, \diamond , потенциально существующая в каждом мозгу, или лучше сказать, в мозгах целой совокупности индивидов, ибо язык не существует полностью ни в одном из них, он существует в полной мере лишь в массе» [11, с. 19]. Языковая деятельность является многомерной и разнообразной, принадлежащей всем сферам человеческой жизнедеятельности. «Язык необходим, чтобы речь была понятна и производила все свои действия <...>. Язык существует в коллективе в форме совокупности впечатлений, имеющихся в каждом мозгу» [11, с. 24]. По мнению одного из родоначальников современного теоретического психоанализа Жака Лакана: «Условие бессознательного – это язык \diamond Бессознательное – оно говорит, что делает его зависимым от языка, о котором знаем мы очень мало» [3, с. 11].

Двигаясь к постмодернистским воззрениям на феномен социального в контексте языка, мы приходим к позиции Ж. Лиотара, который говоря о многообразии социальных связей, говорит о языке, задавая вопросом: как происходит легитимация в постсовременную эпоху? И отвечает – через различные операции с языком, игры с ним в культуре, которые теперь, после многочисленных «языковых» трансформаций, наблюдаются в литературе и науке.

Для философов XX века язык можно считать тем элементом, который, если не заменил само понятие опыта, то сравнился с ним. Речь идет о том, что эти определения имеют одинаково громадную область применения – оба, по словам Р.Рорти, очерчивают целостность сферы человеческого исследования и фиксируют ее результаты. Опираясь на подобные идеи, Л.Витгенштейн выходил из того, что философия, как и язык, является набором социальных практик, которые можно собрать в единое целое для объяснения «картины» мироздания. Он, пока еще безапелляционно, в ранний период своего философского творчества, был уверен, что все, что может быть выражено, передано человеческим языком, может быть выражено ясно, тоже, что не может быть сказано ясно «следует обойти молчанием» [1, с. 149].

Известно, что фундаментальными работами Л. Витгенштейна являются «Логико-философский трактат» и «Философские исследования». И хотя между собой эти работы достаточно отличаются, одной из самих главных в них является проблема значения языка. По мере становления философского гения Людвиг Витгенштейна суть, которую он вкладывал в саму категорию «язык» существенно изменилась. Вкратце рассмотрим, как это происходило.

«Границы моего языка суть границы моего мира» [1, с. 119] – именно этим тезисом можно охарактеризовать раннюю философию Людвиг Витгенштейна, считавшего, что жизнь вне языка, за пределами языка не существует. Исследуя формальные свойства языка, Л.Витгенштейн пытается построить «картины» и модели мира, часто при этом, передавая читателям позицию солипсизма:

«личность в философию привносит тот факт, что мир «есть мой мир» [1, с. 121]. И хотя Л. Витгенштейн не пытался построить собственную модель философии языка, о чем говорит хотя бы отсутствие четкого различия между одними из основных понятий философии языка, такими как язык – речь, что является очень важным, например, для Ф. де Соссюра, утверждающего: «разделяя язык и речь, мы тем самым отделяем: 1) социальное от индивидуального; 2) существенное от побочного и более или менее случайного» [11, с. 19]. Л. Витгенштейн формирует свой личный подход к пониманию языка, базирующийся на том, что сама наша реальность опосредована языком, как особой сущностью, определяющей границы мира. Автор рисует здесь четко регламентированную картину языка, где ничего не существует просто так: каждое слово имеет свой смысл, каждая пропозиция выражает и передает регламентированное положение вещей. Более того, в духе позитивизма Л. Витгенштейн, пытаясь придать нашим словам некоторую ясность, если хотите, даже точность, допуская расчленение сложных языковых конструктов на более простые, образующие некие атомы языка, соответствующие элементарным предложениям или фактам.

В «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейн постаёт перед читателями как не прагматичный автор со смелыми заявлениями, который пытается как-будто воодушевить каждое предложение. По словам Р. Рорти «Л. Витгенштейн хотел чтобы предложения были скорее картинками, нежели орудиями» [8, с. 325]. Исходя из этого, центральной проблемой этой работы является тема взаимоотношения языка и мира, которые выступают как отражающие друг друга.

Л. Витгенштейн в «Логико-философском трактате», на протяжении всей работы пытается найти, построить определенные схемы, лабиринты, которые помогли бы сделать мысль ясной и понятной. И здесь, казалось бы, ему на помощь должна была прийти наука о правильном мышлении, но автор заявляет, что логика является всего лишь «зеркальным отражением мира. Логика трансцендентальна» [1, с. 134]. Размышляя о статусе языка, Л. Витгенштейн концентрирует внимание на том, что сам язык принадлежит различным символическим системам, имея очевидно в виду то, что слова, обладающие различными смысловыми оттенками, могут употребляться в суждениях схожим образом: «язык облекает мысли в разные одежды. Причем так, что по внешней форме одевания невозможно определить форму мысли под ним, потому, что внешняя форма одевания не предназначена для обнажения формы тела» [1, с. 49]. Поэтому, по мнению Л. Витгенштейна, вся философия постаёт как интерпретация, как «критика языка», что в тоже время является крайне сложной задачей для философии, так как автор не просто требует критики, а хочет, чтобы философия придала языку четкость мысли: «цель философии – логическое прояснение мыслей. <...> Философская работа состоит, прежде всего, в объяснении» [1, с. 60]. Позднее, в тексте «Философских исследований» Л. Витгенштейн изменит свое отношение к данной оценке философского знания, заявляя, что в нем часто происходит сравнение употребляемых слов, и не более того. То есть исчезла четкость авторской позиции по отношению к роли философии в структурировании социальной действительности.

В «Философских исследованиях» взгляды Л. Витгенштейна на язык, на его место в социальной системе радикально меняются. Исходя из текста «Логико-философского трактата» нельзя с уверенностью говорить о том, какой язык постаёт перед нами – обыденный язык повседневной жизни или же некоторое идеальное образование, являющееся своеобразным набором фактов, репрезентирующих мир. Уже «поздний» Л. Витгенштейн отходит от понимания языка как суммы простых элементов, основное предназначение которых – изображение фактов нашей реальности. Таким образом, австрийский философ отходит от позиции Б. Рассела, от того, за что он достаточно высоко оценил «Логико-философский трактат», обозначая следующее: «чтобы то или иное предложение могло утверждать какой-то факт, должно быть, вне зависимости от конструкции языка, нечто общее между структурой предложения и структурой факта. <...> Это фундаментальное положение теории господина Витгенштейна» [7, с. 152]. В «Философских исследованиях» Л. Витгенштейн критикует себя молодого за веру в то, что логика является «ни с чем не сравнимой сущностью языка». Здесь у автора уже отсутствует желание подвести язык под определенную четко слаженную схему, уже не ставится сам вопрос о том, как же возможно значение. Л. Витгенштейн уже не пытается увидеть мир как нечто «ограниченное», отходя постепенно от понятия «границ языка». Фундаментальное положение, подводящее его к этому, заключается в осознании того, что язык определяется не структурно, а эмпирически, т.е. выполняемой им ролью в социуме. Язык уже для него не что-то замкнутое, а «лабиринт путей. Ты подходишь с одной стороны и знаешь где выход; подойдя же к тому самому месту с другой стороны, ты уже не знаешь выхода» [2, с. 337]. Теперь одним из основных становится вопрос о социальных практиках, наделяющих сами высказывания смыслом. Язык понимается нами через

призму человеческой социальности, именно совместное поведение людей в определенной социальной ситуации позволяет нам правильно понять (именно здесь и сейчас) суть услышанного. Язык у Л. Витгенштейна существует здесь для простого процесса социального взаимодействия, можно сказать даже процесса коммуникации, для помощи людям реализовать конкретно поставленные цели. Очевидно, австрийский философ поставил перед собой достаточно простой вопрос: откуда нам известно, что нашу речь поняли правильно, поняли именно ту суть, которую мы и вложили в свои слова? Отсюда возникает феномен человеческого ожидания, реакции на сказанное и заключение – «ожидание и исполнение соприкасаются в языке» [2, с. 407]. Деятельность, поступки, позитивные или негативные, выступают социально обусловленными определенной средой, коллективом, референтной группой и другими факторами. В частности, у Л. Витгенштейна это ярко представлено на примере того, как взрослые люди учат детей реагировать на падения и ушибы. Он говорит, что мы сами обучаем ребенка новому «болевому поведению», тем самым включаем, встраиваем маленькое существо в общепринятые рамки данного социума, заставляя его «играть» существуя по определенным, придуманным людьми правилам. Далее, Л. Витгенштейн утверждает, что обучение определенному языку является «натаскиванием» на правильное употребление слов, речевых оборотов во всех жизненных ситуациях. В целом, по Л. Витгенштейну, мы без языка не могли бы понимать друг друга, значит, был бы невозможен сам коммуникативный процесс.

Интересным является подход к языку как к «инструменту» и к словам как «условным знакам». «Каждый знак, взятый сам по себе, кажется мертвым. Что придает ему жизнь? Он живет в употреблении» [2, с. 403]. Л. Витгенштейн считал, что каждый человек, живущий в социуме, в зависимости от исполняемых им социальных ролей, приучен особым образом реагировать на определенный знак. Это своего рода определенная техника понимания языка, т.е. понимающий язык, владеет определенной техникой. Но как же тогда быть с незнакомым нам языком? по Витгенштейну, тут на помощь приходит общая реакция, совместное поведение людей. Данная позиция тесно переплетена с убеждениями представителей символического интеракционизма, в частности с мнением Джорджа Мида. Делая главный акцент на лингвистической стороне коммуникации, язык у Д. Мида является особой формой поведения, конструирующим фактором сознания, а символ (жест, слово) выступает основой взаимодействия. Причем язык Д. Мидом не рассматривается как условие, обеспечивающее реализацию других форм поведения, не является он также застывшей константой, язык выступает окном во внутренний мир личности, в суть её социальности. «Важной идеей Д. Мида стал вывод о том, что разные аспекты индивидуального опыта и поведения обусловлены принадлежностью человека к социальной группе, которая сегодня выступает как средоточие коммуникативных отношений» [5, с. 57].

Кроме выше изложенного, необходимо отметить, что именно Л. Витгенштейн положил начало пониманию языка как игры: «"Языковой игрой" я буду называть также единое целое: язык и действие, с которым он переплетен» [2, с. 227]. Само словоупотребление, как считает австрийский философ, нельзя подвести под некоторую черту, утверждая, правильное оно или нет, так как мы живем в мире, в котором одновременно действует множество языковых игр, языковых конструкций. И Л. Витгенштейн задается вопросом, как возможно отделить понятие игры, что еще является ею, а что уже перестает ею быть? И отвечает: «мы не знаем границ понятия игры, потому что они не установлены» [2, с. 238], иначе языковые игры просто не существовали бы. В целом в постмодернизме языковыми играми принято называть те, которые «являются наиболее существенной формой презентации языка как в процессе овладения им <...>, так и в процессе ставшей языковой динамики» [6, с. 293]. Именно такие игры переводят (или позволяют рассматривать) речевую реальность как социальную в игровой плоскости, очерчивая речевые возможности социокультурного опыта субъекта. Здесь имеется в виду, прежде всего, личное право человека на выбор, как игры, так и ее правил – субъект не ограничен этим правом из внешней среды, но с другой стороны существует требование – соблюдение интерпретируемости в данном месте и в данный час, что заложено в самой основе конституирующего игру языка.

Тем самым, само построение речи подчинено определенным конвенциям, обеспечивающим соблюдение правил языковой организации, однако не всегда эта концептуальность срабатывает. Ж. Лиотар, в духе Л. Витгенштейна, подходит к рассмотрению языковых игр как к практически исчерпывающей форме бытия человека в условиях отказа культуры от жестких дискурсов легитимации и власти. В работе «Состояние постмодерна», рассматривая социальную связь как связь языковую, Ж. Лиотар подчеркивает, что эта связь не одна единственная, что она подобно ткани, где «пересекаются поменьшей мере две, а в действительности – неопределенное количество

языковых игр, подчиняющихся различным правилам» [4, с. 98]. И каждая игра игре рознь – есть такие игры, в которых сами правила придумываются моментально, имеют ограниченный временной срок действия (так часто играют дети), т.е. имеют реляционный характер. Тем самым, они работают только в данной социальной ситуации, в которую включены именно эти, и возможно только эти субъекты, для которых только и значим этот процесс.

Л. Витгенштейн говорит о том, что устанавливая определенные правила игры, ее технику, мы можем столкнуться с тем, что не все играют по нашим правилам, что не все идет так, как мы задумали. Особенно часто подобные игры проигрываются в области философии, там, где нельзя с точностью говорить о том, что говорящий, оперирующий некими понятиями данного языка, играет с присутствующими по понятным ими правилам. И эта мысль не кажется лишенной смысла, особенно в современной полифонии философских концепций, где одни понятия для одной школы являются базисными, а представители другого направления лишь отчасти принимают данное концептуальное ядро идеи, находя при этом свои собственные вариации, способы использования или, если хотите, правила игры с ними. Конечно, здесь хотелось бы обратить внимание на особенности поливариантности современных философских концептов, набирающих свою популярность в силу распространения идей социальной синергетики. Говоря же о разнообразных социальных позициях субъектов, Л. Витгенштейн обозначает свою позицию: «гражданское положение противоречия, или его положение в гражданском обществе, – вот философская проблема <...> Наши ясные и простые языковые игры не являются подготовительными исследованиями для будущей регламентации языка <...> скорее эти языковые игры выступают как некие модели, которые <...> призваны пролить свет на возможности нашего языка» [2, с. 291-292]. Возможно, именно поэтому Л. Витгенштейн говорит о том, что языковые игры образуют своеобразную семью, включающую в себя сложную систему взаимоотношений, которые во многом накладываются друг на друга, имеют множество сходств. Саму языковую игру, по Л. Витгенштейну, необходимо принимать как своего рода данность. Сам язык как игра представляет собой собственную «форму жизни», а единая философия, как мы уже говорили ранее, которая, по мнению молодого Л. Витгенштейна, была призванная прояснять наши мысли и придавать им четкость, освоенная носителями определенного языка, теперь образует некую коллективную философию.

Таким образом, можно говорить о том, что взгляды на язык как единицу анализа у Л. Витгенштейна менялись с течением времени. В «Логико-философском трактате» язык оказывается довольно близким к пониманию его как некой идеализированной сущности, о чем говорят положения, содержащиеся в данной работе: язык является чем-то, что ограничивает мир человека; наша реальность опосредованная языком; язык – это нечто, что должно сделать мысли четкими и др. В «Философских исследованиях» автор существенно пересматривает свою предыдущую позицию на язык – наблюдается отход от понимания языка как замкнутого целого. Теперь язык выступает неким транслятором и отчасти трансформатором социального бытия. Если попытаться в тезисном виде представить позицию «позднего» Л. Витгенштейна на язык, то получим следующее: язык не сумма фактов – язык выступает как игра, как техника, как средство взаимодействия и понимания людьми друг друга; в языке происходит сравнение употребляемых слов и не более того. Итак, подходы действительно менялись, но неизменной оставалась заинтересованность Л. Витгенштейна сущностью и возможностями языка.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн; [пер. с англ. Л.Добросельского] – М.: Астрель, 2010. – 177 с.
2. Витгенштейн Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн // Языки как образ мира. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003. – С.220-546.
3. Лакан Ж. Телевидение / Ж.Лакан; [пер. с фр. А.Черноглазова] – М.: Гнозис, Логос, 2000. – 160 с.
4. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар; [пер. с фр.Н.А. Шматко] – М.; СПб.: Алетейя 1998. – 160с.
5. Макаров М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М.: Гнозис, 2003. – 280с.
6. Постмодернизм. Энциклопедия. Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. – С. 293-294.
7. Предисловие Б. Рассела к 1-му английскому изданию «Логико-философского трактата» // Витгенштейн Л. Логико-философский трактат; [пер. с англ. Л.Добросельского] – М.: Астрель, 2010. – С.150-160.

8. Рорти Р. Витгенштейн, Хайдеггер и реификация языка / Р. Рорти // Хайдеггер М.: [сост. Д.Ю. Дорофеев] – СПб.:РХГИ, 2004. – С. 323-344.
9. Руднев В.П. Божественный Людвиг (Витгенштейн: Формы жизни) / В.П. Руднев. – М.: ЛИБРИКОМ, 2011. – 232 с.
10. Сепир Э. Статус лингвистики как науки / Э. Сепир // Языки как образ мира. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003. – С.127-138.
11. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де. Соссюр; [пер. с фр. А. Сухотина] – М.: Логос, 1998. – 296 с.

SUMMARY

The article deals with the interpretation of language by Ludwig Wittgenstein in his works "Tractatus Logico-Philosophicus" and "Philosophical Investigations". Comparative analysis leads to detecting the significant differences in understanding of the essence and possibilities of language.

Н. В. СПИЦЯ

УКРАЇНСЬКЕ СУСПІЛЬСТВО В КОНТЕКСТІ ФІЛОСОФІЇ Ж. БОДРІЯРА: ПРОБЛЕМА БАЖАННЯ ТА СПОЖИВАННЯ

За період незалежності українськими філософами, політиками, соціологами і просто небайдужими написано незліченну кількість творів щодо проблем розвитку сучасного українського суспільства. Питання інтеграції в світове товариство, особливості уніфікації та глобалізації, проблеми прогресивного розвитку є постійними об'єктами досліджень. Бажання ідентифікувати себе в якості «західної людини» іноді є більш сильним і жагучим, ніж бажання бути «українцем». Два десятка років Незалежності українці інтегруються, або ж роблять все можливе для того, щоб інтегруватись у західноєвропейський соціум.

Цьому є об'єктивні причини: ми ототожнюємо «західний світ» із тією системою цінностей, в якій хотіли б жити самі; звеличуємо західну демократію з її гуманістичними ідеалами. Але в цій ідеальній мрії багатьох українців майже не існує об'єктивного розуміння цінностей західноєвропейського світу. Людям важко зрозуміти, що інститут державності, яким ми захоплюємося, формувався століттями, формувався в горнилі буржуазно-демократичних революцій на основі протестантської етики та класичної філософії. Важко усвідомлювати і те, що найгірші риси західної людини ми вже маємо, ми отримали те, що спотворює сучасну людину у цивілізованому суспільстві без проходження стадії «цивілізованості».

Пропонована стаття присвячена вивченню особливостей розвитку сучасного українського суспільства періоду глобалізації. За методологічну основу взято твори Ж. Бодріяра, на основі яких здійснюється соціологічний та антропологічний дискурс деяких аспектів вітчизняного суспільства.

Жан Бодріяр – продукт свого часу, який, проте, вийшов за його рамки. Праці філософа можна охарактеризувати подвійно – він предтеча нового бачення сучасного типу людини і водночас типовий представник сучасної філософії. Типовий, тому що за його ідеями пішли ті, хто побачив трагедію й проблеми людини кінця 20-го – початку 21-го століття. У молодості Бодріяр був жагучим шанувальником ідей Ніцше, активно використовував у своїх ідеях вчення психоаналізу, оригінально адаптувавши його під сучасний світ, базував свої ідеї на роботах К. Маркса та протягом всього життя завжди займав маргінальну позицію стосовно популярних у філософії течій. Можливо через це його часто піддають критиці, звинувачують в ненауковості та спекулятивності певних ідей. Але не помітити видані ним роботи неможливо – вони спонукають до діалогу, примушують до глибоких роздумів.

У книзі, присвяченій творчості Бодріяра, О. Дьяков наводить геніальні думки д-ра Фаустроля, що яскраво описують особливість філософії постмодерніста: «На яких підставах всі стверджують, начебто годинники – круглої форми? Безглуздість подібних заяв стає очевидною, якщо глянути на годинники збоку (і ми побачимо вузький прямокутник) або під кутом у три чверті (еліпс) – тоді якого біса вважати за істинну форму лише той момент, коли ми намагаємося довідатися, котра година?». [1, с. 58]. Люди, говорить Фаустроль, занадто примітивні для того, щоб осягати складні фігури, а тому домовляються про спрощення. Така помилка притаманна більшості і саме з нею закликав боротися Ф. Бекон, коли йдеться про ідоли роду. Власне, вся оригінальність філософії Бодріяра полягає в тому, що він розглядає загальновідомі феномени під своїм власним кутом зору.

Творам Ж. Бодріяра присвячено багато уваги. Незважаючи на те, що він зовсім недавно пішов з життя (березень 2007р.), існує багато робіт, які є глибокими дослідженнями його творів. Деякі